

ГЕШТАЛЬТ РАБОЧЕГО КАК ДИОНИСИЙСТВО

В статье рассматривается проблема сосуществования в культуре двух начал: аполлонического и дионисийского. Осмысливается сущность гештальта, его причастность к дионисийству. Определяются роль и назначение гештальта в культуре, что разбирается на примере гештальта рабочего в культуре XIX в.

Ключевые слова: гештальты, гештальт рабочего, ценность дионисийского и аполлонического, стихийное и рациональное начало в культуре.

В своей работе «Рождение трагедии из духа музыки» Фридрих Ницше говорит о двух полярных началах, неизменно присутствующих в культуре. Одно из них, рациональное, гармоническое, просветленное, рефлексивное – аполлоническое; другое, стихийное, оргиастическое, экстагическое – дионисийское. Идеал культуры, по Ницше, заключается в достижении равновесия этих противопоставленных друг другу начал [1].

Современной западной культуре свойственно превозносить ценность всего размеренного, целесообразного, упорядоченного, но жизнь не может быть построена лишь на рациональных основаниях, гармония возможна лишь там, где разумное соседствует со стихийным.

Что может противостоять этой устоявшейся, закосневшей системе, основанной на господстве закона и порядка? Эрнст Юнгер называет эту силу, за которой он оставляет право «двигателя истории», – гештальтом [2].

Гештальт (от нем. – фигура, образ, целостность) – физическая, биологическая, психологическая или символическая конфигурация (или образец), состоящая из элементов, объединенных в целое так, что его свойства не могут быть получены из простого соединения частей. Например, мелодия не есть все ее ноты, проигранные по отдельности и сложенные вместе; а тело живого человека не просто сумма всех его членов, тогда как труп равен сумме своих анатомических частей. Другими словами, в гештальте заключено целое, которое включает больше, чем сумму своих частей, что хорошо видно на примере социальных явлений, где не работает простой закон причины и следствия. Единичный человек включен в об-

¹ © Светлана Александровна Рыкова, аспирант кафедры философии и психологии Института права и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: belle_12@list.ru.

III. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ширную иерархию гештальтов, таким образом, он может превосходить то, что он о себе думает. Человек как гештальт, говорит Э. Юнгер, принадлежит вечности [2].

Вместе с гештальтом человек открывает свое предназначение и свою судьбу. Но поскольку они таят в себе целое, то требуют от человека, чтобы он посвятил себя служению идеям гештальта целиком. Причастность этой идее, в свою очередь, делает человека, прежде слабого и беспомощного, сильным и решительным, способным на жертву во имя идеалов гештальта.

Стихийное изначально заложено в мире, подобно тому, как море таит в себе опасность даже в самый глубокий штиль. Стихийное начало невозможно исключить из культуры, но также оно необходимо присутствует в каждом человеке: тоска по играм и приключениям, по любви и ненависти, по триумфам и падениям. В человеке природой установлено так, что потребность в опасности и потребность в безопасности равны. Человек не только разумное существо, но и природное, демоническое.

Мы можем приписать гештальту все положительные признаки дионисийского начала: высокая оценка личного достоинства, решительность, настойчивость, самоуверенность, негибкая воля и неистощимая энергия в достижении поставленной цели, противоречие установленному порядку вещей, творческий порыв, новаторство, убежденность в вечной радости существования, скрывающейся не в явлениях, а за явлениями, при этом принятие мира со всеми его страданиями и несовершенствами с попыткой их преодоления через протест, опровержение, противоречие, разоблачение иллюзии гармонии аполлонического мира, убежденность в своих силах, веру в победу новых идей ради лучшего будущего. Укажем и на возможные негативные характеристики: стремление к разрушению старого, прежних ценностей без утверждения новых (часто, осознание своей неспособности ничего изменить в этом мире, полном абсурда и ужаса бытия), отсутствие чувства меры, самоограничения, преобладание растраты над накоплением, склонность к аффектам, отсутствие сострадания, мягкосердечия, альтруизма, рассудительности [3].

В своей работе 1932 г. «Господство и гештальт» Э. Юнгер приводит следующий пример противостояния названных стихий. С одной стороны, фигура бюргера (Набоков назвал бы его «обывателем»), не принадлежащая к гештальтам, с другой – фигура рабочего. Юнгер дает ему следующую характеристику.

Бюргер – городской житель, скрывающийся за стенами городов, в безопасности видящий высшую свою ценность. Его жизнь лишена даже умеренного риска ради утверждения своих идей и идеалов. Существование его являет собой отсутствие творчества и разнообразия. Цель жизни бюргера сводится к избеганию конфликтов. Стремясь к безопасности, он укрепляет не только стены города, но и «крепостные стены своего разу-

ма». В его мире навсегда одержана одна победа – победа техники, а вмешательство стихий регулируется экономикой. В мире бюргера значимость сил просвещения определенно переоценена: любое существующее зло объявляется заблуждением, преодолеть которое считается возможным с помощью всеобщего образования [2].

Бюргер полагает, что жизнь государства может обезопасить построенная по законам разума иерархия, а также система страхования как во внутренней, так и во внешней политике, что приводит, например, к тому, что в законах прописываются все возможные, вероятные пути развития событий. Бюргер стремится все предусмотреть, чтобы избежать конфликта. Стабильность, безопасность, покой, другими словами, застой, стагнация, а, следовательно, духовная деградация скрываются под маской добродетели. Этика невмешательства в чужую жизнь, таящая безразличие к другому и, в конечном итоге, к самому себе. Безысходность и разочарованность, потеря смысла жизни, отсутствие высших целей и идеалов – все это характеризует жизнь бюргера.

Почему рабочего Э. Юнгер относит к гештальтам, а бюргеру в этом отказывает? Гештальты, претендующие на господство, всегда связаны с опасностью, стихийностью перемен, наступлением на культ разума. В отличие от рабочего, бюргер не готов посвятить свою жизнь служению поставленной цели, подчинившись ей, всецело отдавая свои силы, а если потребуется, то и свою жизнь. Бюргер не способен на такие жертвы, нет такой идеи, ради которой он смог бы пожертвовать собственным комфортом и благополучием. Обыватель безучастен ко всему, что не затрагивает его личные интересы и ценности.

Осознавая безысходность своего положения, единичный человек в ситуации, когда у него недостает сил противопоставить себя окружающему гнетущему, пустому и лживому миру, может выбрать такую форму протеста (романтического, нереализованного) как опьянение, безумие, нищета, смерть [2]. Однако все это лишь формы бегства человека, сложившего оружие, не нашедшего или не стремящегося искать выход, бегство слабого в собственный мир иллюзий. Ф.Ницше отказал бы такому человеку в первенстве, в силе и превосходстве, предлагая действовать по принципу: «Падающего – толкни». Для Ф. Ницше жалость – это то, что нужно преодолеть. Демонстрировать жалость к другим значит относиться к ним с презрением. Лучше способствовать тому, чтобы они встретились с трудностями лицом к лицу и боролись с ними изо всех сил.

Гештальт в противоположность попытке бегства от реальности проповедует возрождение идеала сильной и свободной личности – идеала античности и возрождения, отказ от культа слабости и униженности.

В XIX в. рабочего воспринимали как представителя нового сословия, как опору нового общества и как инструмент хозяйствования. И хотя ра-

III. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

бочие не составляют в точном смысле сословия, этих людей объединяют в класс их экономическое положение, хозяйственная несамостоятельность, зависимость от собственников орудий производства. Бюргер видел в рабочем движении – движении рабов, тогда как, по мысли Э. Юнгера, на самом деле под этой маской скрывалось движение господ [2]. Рабочий воспринимается философом как герой, видящий в работе свое призвание, движущий историю.

Рабочий как гештальт способен на объявление войны, поскольку заявляет свои права на господство в мире. Это есть попытка нападения, превращения романтического пространства в стихийное, где рабочий выступает уже не как слуга, усмиренный властью господина, но как проповедник новой свободы, он превращается в вершителя собственной судьбы. Разрушая, он утверждает новые идеалы и ценности. Единичный человек утверждает значимость своей собственной судьбы, при этом мера его свободы определяется той степенью, в какой он является рабочим. Таким образом, притязание на свободу в этом мире оборачивается притязанием на работу. Принятие этой свободы, свободы повелевающего, при этом может быть связано с увеличением тягот работы. Но так как здесь рабочий выступает не как единичный человек с его слабостями и страстями, но как принадлежащий гештальту, это дает ему силы справляться со всеми трудностями.

Начало новой эпохи, говорит Э. Юнгер, знаменует начало новой войны [2]. Войны с другими, притязающими на господство, но и войны с самим собой: или дух твой сломлен, и ты способен только следовать по пути, когда-то указанному другими, ты лишь эрзац, смешная попытка подражания (и тогда человек слагает всю ответственность за собственную жизнь, уповая на судьбу, фатум, рок, выставляя себя жертвой доминирующих сил), или способен противопоставить себя другим, уже неспособным к творчеству и созиданию. В этом случае причастность единичного человека к гештальту делает его многократно сильнее и значительнее, придавая отдельной жизни вселенскую значимость. Жизнь оформляется в соответствии с целями гештальта, идеалы и цели человека сопоставляются с космическими масштабами.

Иначе говоря, когда жизнь становится подчиненной некоему объекту, превосходящему ее саму по значимости, она становится целостной, являет собой уже не только частный фрагмент того, чем в потенции она могла бы быть, но приобретает характер тотальности, сущностью которой выступает свобода. И эта свобода заключается не в том, чтобы завоевывать, но в том, чтобы отдавать, причем не в интересах другого, но в своих собственных интересах. Единичный человек стремится желать добра другому, для того чтобы найти добро для себя, при этом не отождествляя его добро со своим [4, С. 20]. Смысл действия по отношению к другому заключается, таким образом, в самом действии, которым руководят трансцендентальные цели, а не в возможном результате этого действия. Человек, стремясь реализовать собственную тотальность, подчиняет свою

жизнь служению трансцендентальному. И несмотря на то, что конкретное действие человека всегда остается в рамках решения конкретных материальных задач, оно всегда фрагментарно, стремление к высшим тотальным целям (а высшая цель человека, как говорит Ж. Батай, в изменении мира, и господствующий гештальт по-своему стремится разрешить эту задачу) превращает человека, самого по себе фрагментарного, в «целостного человека», чья жизнь представляет собой «безпричинный праздник» [4], утверждение дионисийского начала. Стремясь к трансцендентальной цели, пусть даже будучи причастным к гешталту, человек получает возможность обрести тотальную свободу действия.

Таким образом, с одной стороны, в культуре обязательно должно присутствовать рациональное, аполлоническое начало, так как невозможно пребывать в состоянии перманентных революций, смены идеалов и ценностей. Без этого стабилизирующего фактора культура может быть разрушена до самого основания. С другой стороны, без творческой силы обновления, свойственной дионисийскому началу, культура также оказывается нежизнеспособной, растворяется в обыденности и неминуемо движется к деградации и упадку.

Для единичного человека быть включенным в гештальт значит предназначить свою жизнь неким целям, которые превышают его частное бытие. Вопрос в том, что это должны быть за цели: служения истине (в сократовском смысле), благу своей родины (вспомним греческий полис), нравственное совершенствование, спасение души (христианская религия), следование некой идее справедливости, материальное счастье для всех (одна из идей рабочего движения).

Для гармоничного развития нашего сегодняшнего общества мы должны помнить о балансе рационального и стихийного. Остается открытым вопрос: в какой форме наш мир готов принимать творческую, преобразующую силу, к чему стремится наша эпоха и доминирование какого гештальта нам следует ожидать в будущем?

1. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. URL: http://www.koob.ru/nietzsche/rojdenie_tragedii_iz_duha (дата обращения: 18.04.2011).

2. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. URL: <http://vpn.int.ru/index.php?name=Files&op=view&id=4037> (дата обращения: 20.03.2011).

3. Вересаев В. Аполлон и Дионис (О Ницше). URL: <http://vpn.int.ru/index.php?name=Files&op=view&id=5989> (дата обращения: 04.04.2011).

4. Батай Ж. О Ницше / пер. с фр. А. Д. Бакулов. – М.: Культурная революция, 2010. – 336 с.